Научная статья
DOI: 10.15393/j9.art.2026.17922
EDN: YNCULK

«Мысль семейная» в романах Достоевского «Подросток» и Толстого «Анна Каренина»

В. Н. Захаров

Петрозаводский государственный университет
(*г. Петрозаводск, Российская Федерация*)

e-mail: vnz01@yandex.ru

Аннотация. Семейный роман — известный жанр европейской, а позже и мировой литературы. Особое значение в эволюции жанра имели сочинения А. Пушкина, Ф. Достоевского и Л. Толстого. Романы «Подросток» Достоевского и «Анна Каренина» Толстого появились в печати приблизительно в одно и то же время. Их публикация началась в январе 1875 г.: Достоевский печатал свой роман один год, Толстой — более двух лет. Достоевский принял сторону Толстого в конфликте с Катковым, когда в мае 1877 г. редактор «Русского Вестника» отказался печатать окончание романа «Анна Каренина». Достоевский высоко ценил литературное значение романа, гениальность автора, но не принял его политические оценки русско-турецкой войны. Романы Достоевского и Толстого были идеологическим жанром. В «Подростке» идеологами предстают Аркадий, Версилов и Макар Долгорукий, в «Анне Карениной» — Константин Левин. Идею Аркадия ошибочно излагают как «идею Ротшильда». Это заблуждение героя и критиков. У идеи героя много разных имен: «миллион», «угол», «скорлупа», «игра», «женщины», «письмо», «документ», «университет». От нее можно «отвлечься». Можно скопить «миллионы» и отдать их обществу: став нищим, быть вдвое богаче Ротшильда. Можно вообще ничего не копить — и быть при «идее». Идея Аркадия имеет и банальный, и оригинальный вид. Оригинальна «тайна Идеи», которая раскрывается в финале романа: «университет», «самостоянье человека», желание ни от кого не зависеть, иметь достоинство и честь, чувство личности и полную свободу, сознать прошлое, настоящее и будущее России. Достоевского и Толстого часто противопоставляют, тем не менее романы «Подросток» и «Анна Каренина» демонстрируют их сближение и совпадения. При очевидном различии писатели выражают общий смысл поэзии: оба совпадают в главном — в понимании искусства и бытия.

Ключевые слова: история литературы, литературная критика, поэтика, Пушкин, Толстой, Достоевский, жанр, поэтика жанра, роман, русский роман, семейный роман

© В. Н. Захаров, 2026

Для цитирования: Захаров В. Н. «Мысль семейная» в романах Достоевского «Подросток» и Толстого «Анна Каренина» // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 3. С. 222–241. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17922. EDN: YNCULK

Original article
DOI: 10.15393/j9.art.2026.17922
EDN: YNCULK

“The Idea of Family” in Dostoevsky’s Novel “The Adolescent” and Tolstoy’s “Anna Karenina”

Vladimir N. Zakharov

Petrozavodsk State University
(*Petrozavodsk, Russian Federation*)

e-mail: vnz01@yandex.ru

Abstract. The family novel is a well-known genre of European, and later world, literature. Works by A. Pushkin, F. Dostoevsky, and L. Tolstoy were of particular importance in the evolution of the genre. Dostoevsky’s novel “The Adolescent” and Tolstoy’s “Anna Karenina” appeared in print at approximately the same time. Their publication began in January 1875: Dostoevsky published his novel over one year, Tolstoy over more than two years. Dostoevsky took Tolstoy’s side in the conflict with Katkov when, in May 1877, the editor of “Russkiy Vestnik” refused to print the ending of “Anna Karenina.” Dostoevsky highly valued the literary significance of the novel and the author’s genius, but did not accept his political assessments of the Russo-Turkish War. The novels of Dostoevsky and Tolstoy were an ideological genre. In “The Adolescent,” the ideologues are Arkady, Versilov, and Makar Dolgoruky; in “Anna Karenina,” it is Konstantin Levin. Arkady’s idea is mistakenly presented as the “Rothschild idea.” This is a misconception of the hero and of critics. The hero’s idea has many different names: “a million,” “a corner,” “a shell,” “the game,” “women,” “a letter,” “a document,” “the university.” One can “distract oneself” from it. One can amass ‘millions” and give them to society: becoming a beggar, one would be twice as rich as Rothschild. One can accumulate nothing at all — and still be attached to the “idea.” Arkady’s idea has both a banal and an original form. What is original is the “mystery of the Idea,” which is revealed in the finale of the novel: “the university,” “man’s self-sufficiency,” the desire to depend on no one, to have dignity and honor, a sense of personality and complete freedom, to comprehend the past, present, and future of Russia. Dostoevsky and Tolstoy are often contrasted; nevertheless, the novels “The Adolescent” and “Anna Karenina” demonstrate their convergence and points of coincidence. Despite the obvious differences, the writers express the common meaning of poetry: both coincide in the main thing — in their understanding of art and existence.

Keywords: history of literature, literary criticism, poetics, Pushkin, Tolstoy, Dostoevsky, genre, poetics of genre, novel, Russian novel, family novel

For citation: Zakharov V. N. "The Idea of Family" in Dostoevsky's Novel "The Adolescent" and Tolstoy's "Anna Karenina". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2026, vol. 24, no. 3, pp. 222–241. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17922. EDN: YNCULK (In Russ.)

Семейный роман — известный и популярный жанр европейской литературы Нового времени. В России семейные романы писали Д. Н. Бегичев, М. Н. Загоскин, Ф. В. Булгарин и др. История жанра оставила свой след в творчестве А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. Особое значение имел роман Пушкина «Евгений Онегин». Казалось бы, новаторская концепция романа в стихах исключает архаический жанр. Не так у Пушкина. С середины 1820-х гг. Пушкин из года в год пишет семейные романы, иногда завуалированные под другие жанры. «Евгений Онегин» не просто роман, но «роман в стихах»; «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» не просто цикл повестей, а другое сложное жанровое образование; «Капитанская дочка» и «Дубровский» не повести, а именно романы в пушкинском понимании жанра («историческая эпоха, развитая на вымышленном повествовании» [Пушкин; т. 11: 92]; чрезвычайно важны фрагменты, отрывки, наброски, критика жанра — особенно «Гости съезжались на дачу». Эти сочинения поэта определили полноту, уровень и масштаб русского семейного романа.

В этом смысле «Евгений Онегин» — претекст и интертекст русского романа, в том числе русского семейного романа. Мотивы, образы, сюжеты семейного романа представлены во всех главах и многих строфах романа Пушкина. Героями семейных романов заполонено окружение Лариных, Ленского и Онегина. Соседи ходят друг к другу в гости, празднуют именины, веселятся на балах. Пушкин не только мечтал в будущем слагать «преданья русского семейства» — он загодя собирал книги, романы, девичьи альбомы «из библиотеки чертей», которые его герои читали, переписывали, писали. «Роман в стихах» поглотил семейные романы, придал им национальный колорит, выразил «даль свободного романа» [Пушкин; т. 6: 190].

Л. Д. Громова-Опульская убедительно отметила: «Очевидно, что роман "Анна Каренина" начинается там, где заканчивается "Евгений Онегин"» [Громова-Опульская: 170]. Она нашла точное слово — «очевидно». Эта аналогия приходила в сознание многим читателям. То, что случилось с Карениной, могло бы случиться, если бы Татьяна Ларина ответила взаимностью на чувства Евгения: ушла из семьи, бросила мужа, пошла за Онегиным. В этом смысле роман Толстого продолжил судьбы героев пушкинского романа. С некоторых пор это суждение стало общим местом в читательской критике романа.

Оба романа, «Подросток» и «Анна Каренина», написаны в одно время, но авторы публиковали их в разных журналах. Достоевский предложил свой роман Каткову, но тот ответил, что журнал занят на 1875 г., имея в виду роман «Анна Каренина». Вскоре Катков одумался, согласился печатать два романа одновременно, но было поздно: Достоевский успел договориться с Некрасовым на выгодных условиях. Очевидно, что роман Достоевского в журнале Некрасова и в журнале Каткова были бы разными сочинениями. Роман «Подросток» в «Русском Вестнике» был бы другим романом. В «Отечественных Записках» Некрасова Достоевский настаивал на своей политической независимости и антинигилистической ангажированности, подчеркивал памфлетный характер ряда эпизодов романа, что было бы избыточно в журнале Каткова.

Каждый — и Достоевский, и Толстой — внимательно следил за успехами и открытиями друг друга; оба были солидарны в творчестве. Достоевский безусловно встал на сторону Толстого в конфликте с Катковым, когда в мае 1877 г. редактор «Русского Вестника» отказался печатать окончание романа «Анна Каренина».

Конфликт Каткова с авторами — обычное дело. У самого Достоевского было два подобных отказа. В одном случае Катков потребовал переработать исповедь Раскольникова и сцену чтения Евангелия в «Преступлении и Наказании», в другом — отказался печатать главу «У Тихона» с исповедью Ставрогина в «Бесах».

Как писатель писателю, Достоевский сочувствовал Толстому. Он высоко оценил литературное значение романа и гениальность автора, но не принял его политические оценки

русско-турецкой войны. Полемика Достоевского с Толстым своеобразна: он критикует не автора, а героя, увлеченно пересочиняет «чужой» роман. Ему мало амплуа критика — он переписывает роман Толстого. К слову сказать, автор «Анны Карениной» был заинтригован и польщен этой попыткой, но остался при своем мнении и «стиле».

Достоевский принимает христианский пафос Толстого и учительный смысл эпиграфа, но упрекает Левина за то, что тот обособился и отвернулся от «Христова дела». Во имя абстрактных принципов Левин отказывается от участия и помощи страдающим христианам. Достоевский задает Толстому риторический вопрос, который придает новый смысл их полемике: чему учит писатель читателей, чему учит литература? Ответ предполагает ответственность, к которой автор «Дневника» призывает автора «Анны Карениной».

В финале возникает неожиданный эффект: полемика предстает диалогом двух гениев, в котором разногласие вызывает потребность смиренного согласия оппонентов перед правдой народа. Полемика сближает Толстого и Достоевского больше, чем согласное молчание.

Новый роман как жанр был идейным (или идеологическим) и для Достоевского, и для Толстого. Многочисленные герои-идеологи Достоевского известны. У Толстого героями-идеологами были Андрей Болконский, Пьер Безухов, Платон Каратаев, Константин Левин. М. М. Бахтин назвал еще и Нехлюдова, хотя и не сформулировал его идею [Бахтин; т. 2: 185–204][1].

Б. М. Энгельгардту принадлежит концепция «идеологического романа» Достоевского. Так исследователь определил тип романа писателя. У Толстого и Тургенева идея является биографической доминантой обычного типа. У Достоевского, по мнению исследователя, идея была «героиней»:

> «Достоевский изображал жизнь идеи в индивидуальном и социальном сознании, ибо ее он считал определяющим фактором интеллигентного общества. Но это не надо понимать так, будто он писал идейные романы, повести с направлением

[1] Примечательно, что Бахтин не ставил под сомнение идеологичность романов «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», ряда рассказов и повестей Толстого.

и был тенденциозным художником, более философом нежели поэтом. Оп писал не романы с идеей, не философские романы во вкусе XVIII века, но р о м а н ы о б и д е е. Подобно тому, как центральным об'ектом для других романистов могло служить приключение, анекдот, психологический тип, бытовая или историческая картина, для него таким объектом была "идея". Он культивировал и вознес на необычайную высоту совершенно особый род романа, который, в противоположность авантюрному, сентиментальному, психологическому или историческому, может быть назван и д е о л о г и ч е с к и м. В этом смысле его творчество несмотря на присущий ему полемизм, не уступало в об'ективности творчеству других великих художников слова; он сам был таким художником и ставил и решал в своих романах, прежде и больше всего, чисто художественные проблемы. Только материал у него был очень своеобразный: его героиней была идея» [Энгельгардт: 90].

И Энгельгардт, и Бахтин пользуются метафорами, что в конце концов приводит Бахтина к непониманию и отрицанию концепции Энгельгардта на том основании, что концепция оппонента неполифонична, что тот «монологизует мир Достоевского, сводит его к философскому монологу, развивающемуся диалектически» [Бахтин; т. 6: 41]. Однако заметим, что «философский монолог, развивающийся диалектически», есть не просто «диалектический», а диалогический монолог. Бахтин подробно описал и оспорил «три плана» Энгельгардта, «в которых может протекать действие романа»: «среда», «почва», «земля». Он упрекал Энгельгардта в том, что тот «недооценивает глубокий персонализм Достоевского» и т. д.[2].

В споре о типологическом определении романа Достоевского Бахтин оценочен: «Термин "идеологический роман" представляется нам поэтому не адекватным и уводящим от подлинного художественного задания Достоевского» [Бахтин; т. 6: 41]. В то же время «сравнение романа Достоевского с полифонией имеет значение **только образной аналогии**[3], не больше», не следует «забывать о метафорическом происхождении нашего термина» [Бахтин; т. 6: 29]. Бахтин высказывает

[2] Критика концепции идеологического романа Достоевского представлена Бахтиным в его труде 1929 г., повторена в 1963 г. [Бахтин; т. 2, 6].

[3] Здесь и далее выделения полужирным шрифтом мои. — *В. З.*

спорные и бесспорные суждения. У Достоевского была «особая художественная концепция пространства и времени» [Бахтин; т. 6: 39], но не обосновано его другое суждение: «Основной категорией художественного видения Достоевского было не становление, а сосуществование и взаимодействие. Он видел и мыслил свой мир по преимуществу в пространстве, а не во времени» [Бахтин; т. 6: 36].

На самом деле в этом силлогизме ошибочны противопоставления: у Достоевского мир пребывает в становлении и сосуществовании, во взаимодействии и развитии, в пространстве и времени.

Вопреки суждению Бахтина, идея в романе Достоевского «Подросток» — и принцип, и предмет изображения. Из всех идей критики прежде всего не поняли идею Аркадия Долгорукова, несмотря на то что добросовестно цитируют текст Достоевского. Читая, мы зачастую не замечаем очевидное, не внимательны к противоречиям, избегаем неологизмов, обходимся несколькими тезисами, игнорируя другие. Важна полнота смысла. В связи с отсутствием этой полноты в научной и критической литературе рекомендую свои исследования — на них основано изложение идеи Аркадия Долгорукова в данной статье (см.: [Захаров, 1985: 145–164; 2004: 439–443; 2013: 389–395; 2015: 568–573, 576]).

«Жизнь идей» входит в сюжеты всех поздних романов Достоевского: в них есть идеи автора, идеи повествователя и рассказчиков, идеи героев. В основе каждой идеи всегда лежит чувство; слова могли быть любыми — они менялись в зависимости от обстоятельств, от собеседника, от настроения. Идеям героев не страшны противоречия, алогизмы и парадоксы.

В стихотворении «Silentium!» Тютчев откровенно признал:

> «Мысль изреченная есть ложь» [Тютчев; т. 1: 123].

Так могут сказать о себе и многие герои Достоевского, но то, что они говорят о своей идее, часто сбивает читателя с толку. Не лучшим образом обстоит дело и с критиками. Они фатально опускают многое, что противоречит их пониманию текста

и логике сказанных героями слов — идей Родиона Раскольникова, Аркадия Долгорукого, Ивана Карамазова.

В романе «Подросток» свою идею разъясняет сам Аркадий Долгорукий. Вслед за героем критики излагают ее как «идею Ротшильда». На первый взгляд все логично: именно так формулирует свою идею сам герой в одной из начальных глав романа:

> «Моя идея, это — стать Ротшильдом» [Достоевский; 2004, т. 10: 61].

Впрочем, приведенные слова — лишь **одно из названий идеи Подростка, одна из метафор**, которая не имеет однозначного и определенного выражения. **Герой больше слов, которые он говорит**. Его идея — сложнее, чем «скопить миллион», «стать Ротшильдом». От нее можно «отвлечься» — она «допускает решительно все уклонения» [Достоевский, 2004, т. 10: 149]. **Можно скопить «миллионы» и отдать их «обществу»**:

> «…став нищим, я вдруг стал бы вдвое богаче Ротшильда!» [Достоевский, 2004: 70].

Можно вообще ничего не «копить» — и быть при «идее».

В разных стадиях «взросления» героя идея приобретает разные формы, нередко узнаваемые с трудом.

Так, например, заканчиваются «записки» Аркадия:

> «Я кончил. **Может быть, иному читателю захотелось бы узнать: куда ж это девалась моя "идея" и что́ такое та новая, начинавшаяся для меня теперь жизнь, о которой я так загадочно возвещаю? Но эта новая жизнь, этот новый, открывшийся передо мною путь и есть моя же "идея", та самая, что́ и прежде, но уже совершенно в ином виде, так что ее уже и узнать нельзя**. Но в "Записки" мои все это войти уже не может, потому что это — уже совсем другое» [Достоевский, 2004: 408].

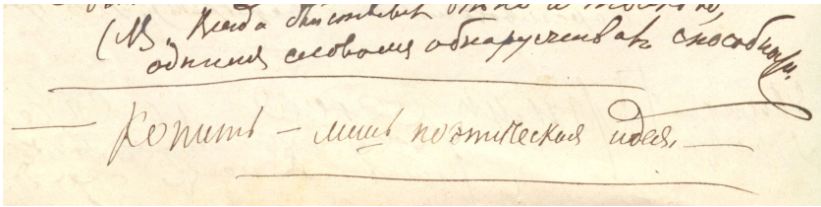
Идея Подростка многолика и изменчива. В основе его «идеи» лежит **чувство «полной свободы», желание «ни от кого не зависеть», «ничего не делать», «уединиться», обрести чувство личности** [Достоевский, 2004: 44].

«Миллионы» нужны Аркадию, чтобы обрести могущество и признание:

«В том-то и "идея" моя, в том-то и сила ее, что деньги — это единственный путь, который приводит на *первое место* даже самое ничтожество» [Достоевский, 2004: 68].

В конечном счете ему нужны не деньги, а «уединенное и спокойное сознание силы» [Достоевский, 2004: 68]. С него «довольно сего сознания», говоря словами Скупого рыцаря Пушкина. Такова и «идея Ротшильда», как определил идею Аркадия Достоевский в подготовительных материалах к роману:

«— *Копить — лишь поэтическая идея.* —»[4].



По содержанию рукопись точнее и богаче печатного текста.

«Скопить миллионы», «стать Ротшильдом» — это лишь одно из логических выражений чувства, которое лежит в основе идеи, есть и другие — метафорические: «скорлупа», «угол». Есть у нее свои материальные эквиваленты — два письма, обладателем которых оказался Подросток. Они дают ему бóльшую власть, чем деньги. В его руках оказываются судьбы двух наследств. Эта замена не случайна: и «миллион», и «письма» являются средством осуществления «идеи-чувства».

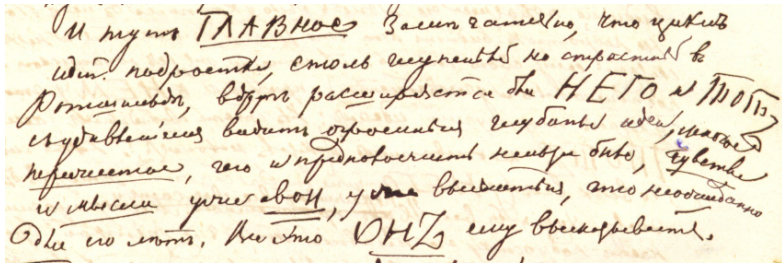
Аркадий проживает в романе то, что Достоевский назвал **«циклом идей»** в намеченной программе романа:

«И тутъ ГЛАВНОЕ замѣчательно, что циклъ идей подростка, столь глупенькій но страстный въ Ротшильдѣ, вдругъ расширяется для НЕГО и ТОТЪ съ удивленіемъ видитъ огромныя глубины идеи, многое пережитое, чего и предположить нельзя было, чувства и мысли уже свои[5]*, уже выжитыя, что неожиданно для его лѣтъ. Все это ОНЪ ему высказываетъ»*[6].

[4] РГАЛИ. Ф. 212.1.12. С. 64.

[5] Слово «свои» подчеркнуто Достоевским двойной линией.

[6] РГАЛИ. Ф. 212.1.12. С. 40.



Идея Аркадия «умнее», чем его слова и метафоры:

«И хотя бы это все было даже и вздором, то есть, "всесоединение идей" (что́, конечно, немыслимо), то **всё-таки уж одно то хорошо, что он всю жизнь поклонялся идее, а не глупому золотому тельцу**. Боже мой! Да, замыслив мою "идею", я, я сам — разве я поклонился золотому тельцу, **разве мне денег тогда надо было? Клянусь, мне надо было лишь идею!**» [Достоевский, 2004: 350].

Прав Бахтин: идея Аркадия бескорыстна. Добавим, и поэтична. Что за идея, которая не требует осуществления? Зачем мечтать о миллионе, не желая разбогатеть и быть богатым? Скопить миллион — и отдать накопленное людям; стать нищим — и быть вдвое богаче Ротшильда?

Почему у идеи столько разных имен: **«миллион», «угол», «скорлупа», «игра», «женщины», «письмо», «документ», «университет»**? Спекулянт и финансист **Ротшильд**? Скиталец и «последний европеец» **Версилов**? Русский странник **Макар Долгорукий**? Почему «уклонения» и «замещения» оказываются образами той же идеи? Все это одна идея, одна и та же в разные периоды жизни героя. Что кроется за этими парадоксами Аркадия Долгорукого?

Николай Семенович благодарит Аркадия за то, что тот посвятил его в «тайну Идеи», как он сам выразился в тексте «записок»:

«Весьма ценю тоже, что вы решились мне сообщить, и, повидимому, мне одному, "**тайну вашей Идеи**", по собственному вашему выражению» [Достоевский, 2004: 409].

В романе этих слов Аркадия нет. Можно предположить, что они остались в сопроводительном письме героя, оказались «за текстом» романа. В отличие от «реального» человека, герой несамостоятелен (или относительно несамостоятелен). Он может говорить лишь то, что ему придумает автор. Коллизия «Аркадий Долгорукий — Николай Семенович» является игрой автора с читателями. Устами героя автор приоткрывает читателю «тайну Идеи»:

> «Но в просьбе вашей сообщить мое мнение собственно об этой Идее должен вам решительно отказать: во-первых, на письме не уместится, а во-вторых — и сам не готов к ответу, и мне надо еще это переварить. Замечу лишь, что "Идея" ваша отличается оригинальностью, тогда как молодые люди текущего поколения набрасываются, большею частию, на идеи не выдуманные, а предварительно данные, и запас их весьма невелик, а часто и опасен» [Достоевский, 2004: 409].

Читатель должен догадаться, что идея Аркадия «стать Ротшильдом», «скопить миллион» — заблуждение героя. Эта идея банальна. Настоящая Идея, которую в романе пишут с прописной буквы, *оригинальна*. У читателя есть шанс понять и угадать «тайну Идеи». Такой алгоритм понимания, или «дознания», Достоевский представил в финале романа.

Критики и исследователи не заметили трансформацию идеи Аркадия Долгорукого. Пора разгадать ее тайну в романе.

Как часто у Достоевского, за этими парадоксами кроется Пушкин. Идея Аркадия — пушкинская идея *самостоянья* человека. Пушкин ввел слово «самостоянье» в русский язык в известном П. В. Анненкову, но не опубликованном при жизни Достоевского незавершенном стихотворении «Два чувства дивно близки нам…» (в 1855 г. Анненков опубликовал лишь первое четверостишие [Пушкин, 1855; т. 1: 346], хотя ему были известны и другие строфы); в расширенном виде его издал И. А. Шляпкин в 1903 г.:

> «Два чувства дивно близки намъ —
> Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу —
> Любовь къ родному пепелищу,
> Любовь къ отеческимъ гробамъ.

На нихъ основано от вѣка
По волѣ Бога самого
Самостоянье человѣка, —
Залогъ величія его» [Цит. по: Шляпкин: 20].

Неважно, знал или не знал это стихотворение Достоевский (мог знать, мог и не знать!), повлияло или не повлияло оно на формирование и развитие идеи Аркадия Долгорукого (допустим, не повлияло), — но **так в *откровении Слова* возникает знаменательное совпадение великих идей двух гениев, образовавших русскую душу, или русский менталитет**.

У героя романа простительное и наивное желание — быть уважаемым и любимым. Поведение Подростка обусловлено обидой на судьбу, на свое социальное положение, на то, что всю жизнь провел вдали от своего «случайного семейства». Аркадий бесприютен. Он тяготится фактическим и духовным сиротством.

Андрей Петрович Версилов олицетворяет идею русского европеизма. Он наследует мировую культуру. Он — деист, его идеал заключен в античном прошлом — «золотом веке». Современное состояние Европы прискорбно: европейцы утратили идеалы европеизма. Воображая будущее, Версилов не может представить человечество без Христа — Он пребудет с каждым из нас в «последний день человечества».

Своя правда у Макара Долгорукого. Он — учитель жизни и проповедник Истины. Он открывает Аркадию народную правду, русское понимание Бога и Христа.

Идеалы и идеи каждого из отцов глубоко вошли в сознание Аркадия.

Поучительны заключительные слова рассказчика:

> «Кончив же записки и дописав последнюю строчку, я вдруг почувствовал, что **перевоспитал себя самого, именно процессом припоминания и записывания**. От многого отрекаюсь, что́ написал, особенно от тона некоторых фраз и страниц, но не вычеркну и не поправлю ни единого слова» [Достоевский, 2004: 405].

Идея Аркадия несет в себе нравственный смысл.

В финале «записок» Подросток пророчит новую жизнь, новый путь, по-прежнему грезит своей идей, той самой, что и прежде, но в ином виде, таком, что ее узнать нельзя.

Что это за идея?

Прежняя ясна, понятна и банальна: имя ей — «миллион», «Ротшильд». Впереди новая жизнь, новая идея. Что это за новая идея, в чем ее новый вид? Поступить в университет, или, как сказано, «доучиться» в университете?

Новая идея в буквальном смысле «вырастает» в письме московского наставника Николая Семеновича: в тексте меняется орфография. Аркадий Долгорукий пишет слово *идея* без кавычек, иногда в кавычках, Николай Семенович трижды написал слово в кавычках и с большой буквы: «Идея». Орфография семантична и смыслоразличительна. Идея автора — тайна, идея Аркадия и банальна, и оригинальна. Внешне она вульгарна: миллион, Ротшильд. В сюжете романа происходит ее трансформация. Почему критики не считаются с новым образом идеи? Идея Аркадия «доучиться» в университете не прочитана в современной критике.

Как ни парадоксально, идея Аркадия контрреволюционна. Ей в заслугу Николай Семенович ставит то, что она уберегла Аркадия «от идей г<оспод> Дергачева и комп<ании>» [Достоевский, 2004: 409].

В письме Николая Семеновича есть странная фраза:

> «Не обвините в славянофильстве — это я лишь так от мизантропии, ибо тяжело на сердце» [Достоевский, 2004: 410].

Чем виновато славянофильство? Как понять самообличительные обвинения и оправдания? Отчего в отрицании петербургского периода русской истории и в критике современности герой чувствует себя и славянофилом, и мизантропом?

Положительные интенции Николая Семеновича неоднозначны и двусмысленны. Таков еще один его парадокс — на этот раз отзыв о Версилове:

> «Это — дворянин древнейшего рода и, в тоже время, парижский коммунар. Он, истинный поэт и любит Россию, но зато и отрицает ее вполне. Он без всякой религии, но готов почти умереть

за что-то неопределенное, чего и назвать не умеет, но во что̀ страстно верует по примеру множества русских европейских цивилизаторов петербургского периода русской истории» [Достоевский, 2004: 411].

Герои кстати и некстати произносят общие слова, отчасти заблуждаются; важны разные слова и смыслы.

В истории романа «Анна Каренина» есть эпизод, проясняющий не только смысл романа Толстого, но и романа Достоевского, и искусства в целом.

В апреле 1876 г. критик Н. Н. Страхов попытался выяснить у автора, правильно ли он понимает замысел «Анны Карениной» и в чем смысл романа.

Писатель ответил Страхову. С его точки зрения, суждение критика (и критиков) отчасти верно, но в целом ошибочно:

«…ваше суждение о моем романе **верно, но не всё** — т. е. всё верно, но то, что вы высказали, **выражает не всё, что я хотел сказать**. Например, вы говорите о двух сортах людей. Это я всегда чувствую — знаю, но этого я не имел в виду. Но когда вы говорите, я знаю, что **это одна из правд**, кот[орую] можно сказать. **Если же бы я хотел сказать словами всё то, что имел в виду выразить романом, то я должен бы был написать роман тот самый, кот[орый] я написал, сначала**. И если близорукие критики думают, что я хотел описывать только то, что мне нравится, как обедает Обл[онский] и какие плечи у Карен[иной], то они ошибаются» [Толстой; т. 62: 268–269].

В творчестве Толстой руководствовался полнотой мысли и смысла. Смысл многозначен, все пребывает в развитии и становлении, все едино и целостно, нельзя из текста вычленять слова и фразы, каждая отдельная мысль «теряет свой смысл»:

«**Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится**» [Толстой; т. 62: 269].

В его тексте нет лишних слов, слова связаны особо, выражая и описывая «образы, действия, положения»:

«**Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно — словами описывая образы, действия, положения**» [Толстой; т. 62: 269].

Мягко, но категорично Толстой отрицает критику и критиков:

«Так вот почему такая милая умница, как Григорьев, мало интересен для меня. Правда, что если бы не было совсем критики, то тогда бы Григорьев и вы, понимающие искусство, были бы излишни» [Толстой; т. 62: 269].

Для критики искусства нужна критика критики, прежде нужно отказаться от «бессмыслицы отыскивания мыслей в худож[ественном] произвед[ении]». Критики должны руководить читателями в «бесконечном лабиринте сцеплений», раскрывать сущность и законы искусства:

«Теперь же, правда, что когда 9/10 всего печатного есть критика, то **для критики искусства нужны люди, которые бы показывали бессмыслицу отыскивания мыслей в худож[ественном] произвед[ении] и постоянно руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в кот[ором] и состоит сущность искусства, и к тем законам, кот[орые] служат основан[ием] этих сцеплений**» [Толстой; т. 62: 269].

Критику критики Толстой сдабривает «польщенным авторским тщеславием»:

«И если критики теперь уже понимают и в фельетоне могут выразить то, что я хочу сказать, то я их поздравляю и смело могу уверить qu'ils en savent plus long que moi[7].

Очень, очень благодарю вас» [Толстой; т. 62: 269].

М. Бахтин противопоставил Толстого и Достоевского: один монологичен, другой полифоничен, — и многие с ним согласились. Полифония, по Бахтину, — равноправие голосов, равноправие без иерархии. Без иерархии голоса относительны.

[7] «…они знают об этом больше, чем я» (фр.).

Принцип относительности обосновал физик Альберт Эйнштейн. Историк науки Борис Кузнецов предложил уточнить принцип относительности — добавил к нему принцип дополнительности (см.: [Кузнецов: 135–165]). У Достоевского, как и у Эйнштейна, принцип относительности интегрирован Абсолютом (или Богом). Толстой рационален, но множественность его точек зрения, относительность суждений автора и героев в конечном счете ввергает и его в иррациональный рационализм.

Роман Толстого, как известно, начинается афоризмом, одним из самых известных среди высказываний писателя:

> «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» [Толстой; т. 18: 3].

Критики афоризма почти нет, почти все как будто согласны: заворожены магией слов, меж тем всё относительно. Где подобия и чем похожи и не похожи счастливые и несчастные семьи? Похожи ли на самом деле все счастливые семьи? Все ли счастливы? Есть ли страдания в счастливых семьях? Или все счастливы и несчастливы по-своему?

Если ответить хотя бы на некоторые вопросы, останется ли бесспорным силлогизм?

Следующая фраза:

> «Все смешалось в доме Облонских» [Толстой; т. 18: 3].

Фраза точнее, чем предыдущие слова Толстого, выражает образ не исторической, а современной семьи. Случайна беспорядочная семья Версилова, но беспорядочна и неслучайная семья Облонского.

Почти все обращают внимание на сходство романа с пушкинским отрывком «Гости съезжались на дачу». В «Евгении Онегине» гости съезжались в имение к Лариным и к кумушкам в Москву на ярмарку невест, в Петербург на светские балы; в романе «Анна Каренина» герои развлекаются и страдают в праздники и будни.

Сами по себе евангельский эпиграф «Мне отмщение, и Аз воздам» (не судите — рассудит Бог), силлогизм первого абзаца о счастливых и несчастливых семьях и зачин романа о доме

Облонских понижаются в отдельности, но совокупно в своей относительности, противоречиях и недосказанности обретают новый смысл.

Подобным образом сочинял и Достоевский. Аналогичные признания многочисленны в суждениях повествователей в романах и повестях, в письмах писателя брату Михаилу, другу Аполлону Майкову, сотруднику Николаю Страхову, в критических статьях, фельетонах, в «Дневнике Писателя», в записных книжках и тетрадях автора.

Романы «Подросток» и «Анна Каренина» обнаруживают неожиданные сближения Достоевского и Толстого. При очевидном различии Достоевский и Толстой выражают общий смысл поэзии: оба совпадают в главном — в понимании искусства и бытия.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2000. Т. 2: Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Л. Н. Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. 799 с.; 2002. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960–1970-х гг. 799 с.
2. Громова-Опульская Л. Д. А. С. Пушкин у истоков «Анны Карениной»: Текстология и поэтика // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов: XII Междунар. съезд славистов (Краков, 1998). Доклады рос. делегации. М.: Наследие, 1998. С. 162–171 [Электронный ресурс]. URL: http://nkslav.ru/library/files/ssl-xii-1998-literatury-kultura-folklor.pdf (09.06.2026).
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. / науч. ред. проекта проф. В. Н. Захаров; сост., подгот. текстов В. Н. Захарова. М.: Воскресенье, 2004. Т. 10: Подросток. 533 с.
4. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 209 с. [Электронный ресурс]. URL: https://philolog.petrsu.ru/Biblioteka/Zakharov_V_N_Sistema_zhanrov_D_1985.pdf (09.06.2026). EDN: UBKBBV
5. Захаров В. Н. Творчество как осознание Слова // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. / науч. ред. проекта проф. В. Н. Захаров; сост., подгот. текстов В. Н. Захарова. М.: Воскресенье, 2004. Т. 10: Подросток. С. 438–444.
6. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский: очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с. [Электронный ресурс]. URL: https://philolog.petrsu.ru/Biblioteka/Zakharov_V_N_Imya_avtora_-_Dostoevskiy_2013.pdf (09.06.2026). EDN: UCOKYJ

7. Захаров В. Н. Творчество как обретение Слова // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. Т. 11: Подросток. С. 566–576.
8. Кузнецов Б. Образы Достоевского и идеи Эйнштейна // Вопросы литературы. 1968. № 3. С. 138–165.
9. Пушкин А. С. Сочинения Пушкина: с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков, и проч. СПб.: Изд. П. В. Анненкова, 1855. Т. 1. 490 с.
10. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. / ред. комитет: М. Горький, Д. Д. Благой, С. М. Бонди и др.; Акад. наук СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 6: Евгений Онегин. 700 с. Т. 11: Критика и публицистика. 1819–1834. 587 с.
11. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Юбилейное издание (1828–1928) / под общ. ред. В. Г. Черткова; при участии ред. комитета в составе: А. Е. Грузинского, Н. К. Гудзия, Н. Н. Гусева и др. М.: Худож. лит., 1928–1958.
12. Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма: в 6 т. / сост., подгот. текстов, коммент. В. Н. Касаткина; Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. М. Горького, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.: Классика, 2002. Т. 1: Стихотворения, 1813–1849. 528 с.
13. Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 368 с.
14. Энгельгардт Б. Идеологический роман Достоевского // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А. С. Долинина. Л.: Мысль, 1924. Сб. 2. С. 71–109.

References

1. Bakhtin M. M. The Ideological Novel of L. N. Tolstoy. Preface. In: *Bakhtin M. M. Sobranie sochineniy*: *v 7 tomakh* [*Bakhtin M. M. The Collected Works*: *in 7 Vols*]. Moscow, Russkie slovari Publ., Yazyki slavyanskoy kul’tury Publ., 2000. Vol. 2: Problems of Dostoevsky’s Creative Art. Articles on L. N. Tolstoy. Records of the Course of Lectures on the History of Russian Literature. 799 p.; 2002. Vol. 6: Problems of Dostoevsky’s Poetics, 1963. Works of the 1960s–1970s. 799 p. (In Russ.)
2. Gromova-Opul’skaya L. D. A. S. Pushkin at the Origins of “Anna Karenina”: Textology and Poetics. In: *Slavyanskie literatury. Kul’tura i fol’klor slavyanskikh narodov*: *XII Mezhdunarodnyy s”ezd slavistov* (*Krakov, 1998*). *Doklady rossiyskoy delegatsii* [*Slavic Literatures. Culture and Folklore of Slavic Peoples*: *12th International Congress of Slavists* (*Krakow, 1998*). *Reports of the Russian Delegation*]. Moscow, Nasledie Publ., 1998, pp. 162–171. Available at: http://nkslav.ru/library/files/ssl-xii-1998-literatury-kultura-folklor.pdf (accessed on June 9, 2026). (In Russ.)
3. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 18 tomakh* [*The Complete Works*: *in 18 Vols*]. Moscow, Voskresen’e Publ., 2004, vol. 10: The Adolescent. 533 p. (In Russ.)

4. Zakharov V. N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo*: *tipologiya i poetika* [*The System of Genres of Dostoevsky*: *Typology and Poetics*]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1985. 209 p. Available at: https://philolog.petrsu.ru/Biblioteka/Zakharov_V_N_Sistema_zhanrov_D_1985.pdf (accessed on June 9, 2026). EDN: UBKBBV (In Russ.)
5. Zakharov V. N. Works as Awareness of the Word. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy*: *v 18 tomakh* [*Dostoevsky F. M. The Complete Works*: *in 18 Vols*]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2004, vol. 10: The Adolescent, pp. 438–444. (In Russ.)
6. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy*: *ocherk tvorchestva* [*The Author's Name Is Dostoevsky*: *An Essay on Creative Work*]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. Available at: https://philolog.petrsu.ru/Biblioteka/Zakharov_V_N_Imya_avtora_-_Dostoevskiy_2013.pdf (accessed on June 9, 2026). EDN: UCOKYJ (In Russ.)
7. Zakharov V. N. Creative Process as the Acquisition of the Word. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy*: *kanonicheskie teksty* [*Dostoevsky F. M. The Complete Works*: *Canonical Texts*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2015, vol. 11: The Adolescent, pp. 566–576. (In Russ.)
8. Kuznetsov B. Dostoevsky's Images and Einstein's Ideas. In: *Voprosy literatury,* 1968, no. 3, pp. 138–165. (In Russ.)
9. Pushkin A. S. *Sochineniya Pushkina*: *s prilozheniem materialov dlya ego biografii, portreta, snimkov s ego pocherka i s ego risunkov, i proch.* [*Works of Pushkin*: *with an Appendix Containing Materials for His Biography, a Portrait, Facsimiles of His Handwriting and Drawings, etc.*]. St. Petersburg, P. V. Annenkov Publ., 1855, vol. 1. 490 p. (In Russ.)
10. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 16 tomakh* [*The Complete Works*: *in 16 Vols*]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937–1949. Vol. 6: Evgeniy Onegin [Eugene Onegin]. 700 p.; Vol. 11: Kritika i publitsistika, 1819–1834 [Criticism and Journalism, 1819–1834]. 587 p. (In Russ.)
11. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 90 tomakh. Yubileynoe izdanie* (*1828–1928*) [*The Complete Works*: *in 90 Vols. Anniversary Edition* (*1828–1928*)]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1928–1958. (In Russ.)
12. Tyutchev F. I. *Polnoe sobranie sochineniy i pis'ma*: *v 6 tomakh* [*The Complete Works and Letters*: *in 6 Vols*]. Moscow, Klassika Publ., 2002, vol. 1: Poems, 1813–1849. 528 p. (In Russ.)
13. Shlyapkin I. A. *Iz neizdannykh bumag A. S. Pushkina* [*From the Unpublished Papers of A. S. Pushkin*]. St. Petersburg, tipografiya M. M. Stasyulevicha Publ., 1903. 368 p. (In Russ.)
14. Engel'gardt B. The Ideological Novel of Dostoevsky. In: *F. M. Dostoevskiy. Stat'i i materialy* [*F. M. Dostoevsky. Articles and Materials*]. Leningrad, Mysl' Publ., 1924, collection 2, pp. 71–109. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Захаров Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2709-4145; e-mail: vnz01@yandex.ru.

Vladimir N. Zakharov, PhD (Philology), Professor, Head of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2709-4145; e-mail: vnz01@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.06.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.08.2026
Принята к публикации / Accepted 20.08.2026
Дата публикации / Date of publication 18.09.2026